

A large, gnarled tree with a thick trunk and a wide, spreading canopy of green leaves. The tree is oriented upside down, with its roots and lower branches floating in the air, and its canopy at the top. The background is a dark blue night sky filled with numerous small, white stars. The text "Сказки, которые учат мечтать" is written in a bold, white, sans-serif font with a dark blue outline, centered over the tree's trunk.

Сказки, которые учат мечтать

◆ Eyforis Lurt

Eyforis Lurt

Сказки, которые учат мечтать

«Автор»

2026

Lurt E.

Сказки, которые учат мечтать / Е. Lurt — «Автор», 2026

«10 сказок, которые учат мечтать» — это сборник волшебных историй о героях с необычными именами, каждый из которых проходит свой путь к мечте. Звёздный пастух Элиан, швея ветра Селеста, картограф Изабелла и другие персонажи учатся тому, что мечта сбывается не через силу, а через смелость быть собой, доверие к миру и доброту к другим. Живые, эмоциональные сказки с тёплым финалом — для детей и взрослых, которые не разучились верить в чудо.

© Lurt E., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Звёздный пастух по имени Элиан	6
Девочка, которая шила ветер. Имя её — Селеста	9
Орландо и стеклянный сад	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Eyforis Lurt

Сказки, которые учат мечтать

Звёздный пастух по имени Элиан

В далёкой долине, где трава была серебристой, а небо — фиолетовым, жил мальчик Элиан. Его единственным богатством было стадо облачных овец. Днём они паслись на склонах, а ночью спускались на землю и становились мягкими, как пух. Элиан мечтал поймать настоящую звезду — не для того, чтобы владеть ею, а чтобы спросить, откуда она берёт свой свет.

Долина, в которой жил Элиан, была особенной. Она лежала в котловине между невысокими горами, и потому небо над ней казалось ближе, чем где-либо ещё. Фиолетовое днём, к вечеру оно становилось глубоким, как спелая слива, а ночью — почти чёрным, и звёзды на нём проступали так отчётливо, что казалось, будто до них можно дотянуться рукой. Трава в долине была серебристой не от инея и не от росы, а оттого, что в ней жил особый свет — мягкий, рассеянный, словно кто-то рассыпал по земле лунную пыль. Местные жители говорили, что это звёзды, умирая, падают на землю и прорастают травой, но Элиан не верил в это. Он вообще мало верил в то, что ему рассказывали, — ему хотелось проверить всё самому.

Облачные овцы достались ему от матери. Она была пастушкой, как и её мать, и мать её матери, и так далее — род их уходил в такую древность, что уже никто не помнил, откуда взялись первые облачные овцы. Овцы эти были не совсем обычными. Днём они паслись на склонах, щипали серебристую траву, и шерсть их была белой, чуть голубоватой, как утренний туман. А ночью, когда темнело, они спускались на землю, ложились вокруг дома Элиана и становились такими мягкими, что мальчик часто засыпал, уткнувшись лицом в тёплый овечий бок. Шерсть их пахла не овцой, а чем-то неуловимым — то ли ветром, то ли дождём, то ли тем особым запахом, который бывает у облаков, если бы у облаков мог быть запах. Элиан любил своё стадо, но ещё больше он любил смотреть на звёзды.

По вечерам, когда овцы уже улеглись и дышали ровно, как море в штить, Элиан выходил из дома и садился на камень у края долины. Он смотрел вверх и думал о том, что звёзды — это не просто огоньки. В них было что-то живое, что-то такое, что не давало ему покоя. Он видел, как они мерцают, как будто переговариваются, как будто смеются чему-то. И ему очень хотелось узнать, откуда они берут свой свет. Не для того, чтобы украсть его или присвоить, — нет, он не был жадным мальчиком. Просто он думал: если он узнает, откуда свет, то, может быть, поймёт что-то важное о мире, о себе, о том, зачем всё это существует. Он представлял, как ловит звезду — маленькую, тёплую, пульсирующую, — как держит её в ладонях и спрашивает: «Откуда ты берёшь свой свет?» И звезда отвечает ему тихим, звенящим голосом. Он не знал, что она ответит, но ему казалось, что этот ответ будет важнее всего на свете.

Однажды, в конце лета, когда ночи стали длиннее и прохладнее, а трава — ещё серебристее, чем обычно, Элиан заметил, что с одной его овцой что-то не так. Это была старая овца по имени Мглистая — самая старая в стаде, с шерстью, которая уже начала седеть, и с глазами, в которых было что-то человеческое, слишком умное для овцы. Днём она перестала есть траву. Она стояла на склоне, смотрела куда-то вдаль и медленно, почти незаметно, начинала таять. Сначала это было похоже на то, как иней исчезает с камня под утренним солнцем — едва уловимое, почти невидимое. Но к вечеру Элиан увидел, что шерсть её стала тоньше, что сквозь неё уже просвечивает кожа, что бока её впали, а голос, когда она блеяла, звучал глуше и тише, чем обычно. Мальчик испугался.

— Мглистая, — сказал он, подходя к ней и кладя руку на её тёплый бок. — Что с тобой? Почему ты таешь?

Овца посмотрела на него своими умными глазами и ничего не ответила. Но Элиану показалось, что в её взгляде было что-то вроде просьбы — или приглашения. Она смотрела на него так, будто хотела, чтобы он пошёл за ней. И он испугался ещё больше.

— Если она исчезнет, — прошептал он, — кто расскажет мне о звёздах? — Он сам не знал, почему связал эти две вещи — тающую овцу и звёзды. Но в его голове они были связаны. Мглистая была самой старой, самой мудрой овцой. Она была с ним с самого детства. Она помнила его мать, помнила его первые шаги, помнила, как он впервые вышел ночью на склон и заплакал от страха перед огромным небом. Именно она, Мглистая, тогда подошла к нему и легла рядом, и он уснул, уткнувшись в её шерсть. Ему казалось, что если она исчезнет, то исчезнет и часть его самого, часть того, что связывало его с миром. И ещё ему казалось, что она знает о звёздах больше, чем говорит. Он никогда не слышал, чтобы овцы говорили, но в её глазах он читал что-то такое, что было важнее слов.

В ту ночь он не мог уснуть. Он лежал в доме, слушал, как дышат овцы за стеной, и думал о Мглистой. А когда луна поднялась высоко и серебристая трава засветилась ровным, спокойным светом, он услышал, как что-то шевельнулось у двери. Он встал, накинул куртку и вышел. Мглистая стояла у края долины, и в лунном свете было видно, как она тает — медленно, но неуклонно. Её шерсть уже не скрывала тела, она была как дым, как утренний туман, который вот-вот рассеется. Овца посмотрела на Элиана и сделала несколько шагов в сторону гор — туда, где долина переходила в каменистый склон, а склон — в отвесную скалу, за которой, как говорили, начиналась пустота.

— Ты куда? — спросил Элиан.

Овца не ответила. Она просто пошла, и он пошёл за ней. Он бросился в ночь, не раздумывая, не думая о том, что может заблудиться, что может упасть, что может не вернуться. Он шёл за тающей овцой, потому что не мог иначе. Она была его единственной связью с чем-то большим, чем он сам, и он не хотел её терять.

Ночь была тихой и тёплой. Серебристая трава шелестела под ногами, и этот шелест был похож на шёпот — как будто трава рассказывала друг другу истории о том, что видела за день. Фиолетовое небо стало почти чёрным, и звёзды на нём горели так ярко, что было больно смотреть. Мглистая шла впереди, и её силуэт становился всё более прозрачным. Элиан шёл за ней, не отставая ни на шаг. Они поднимались по склону, и долина оставалась внизу, и дом его оставался внизу, и стадо оставалось внизу — всё это становилось маленьким и далёким, как воспоминание. А впереди было только небо, и звёзды, и тающая овца, которая вела его куда-то, куда он не знал.

Наконец они дошли до края скалы. Здесь долина заканчивалась, и начиналось что-то другое — не пустота, как говорили люди, а что-то иное. Элиан увидел колодец. Он был огромный, круглый, и края его были сложены из гладких камней, светящихся изнутри мягким голубым светом. Вода в колодце была не такой, как в обычных колодцах, — она была не тёмной и не прозрачной, а серебристой, как трава в долине, и в ней плавали звёзды. Мальчик замер, не веря своим глазам.

Звёзды падали с неба в воду, чтобы напиться. Они спускались медленно, как снежинки, и, коснувшись воды, на мгновение вспыхивали ярче, а потом гасли, и вода вокруг них светилась ровным, спокойным светом. Элиан подошёл ближе и увидел, что звёзды — это не огни, не раскалённые шары, не что-то неодушевлённое. Это были живые существа. Маленькие, размером с ладонь, они были похожи на светящихся рыбок или на светлячков, только гораздо красивее. У них были крылья — прозрачные, как у стрекоз, и глаза — большие, любопытные, как у детей. Они смеялись, когда их гладили. Элиан протянул руку и коснулся одной звезды, и она засмеялась — тихо, звеняще, как колокольчик, — и потёрлась о его ладонь, как кошка.

Мглистая стояла рядом. Она уже почти растаяла — от неё остался только контур, только дымка, только воспоминание о тепле. Она посмотрела на Элиана, и в её глазах было что-то такое, что он понял без слов. Она привела его сюда не для того, чтобы он поймал звезду. Она привела его сюда, чтобы он увидел, что звёзды — живые. Чтобы он понял, что не нужно их ловить. Что нужно просто быть рядом.

Элиан стоял на краю колодца и смотрел на звёзды. Их было много — сотни, тысячи, — и все они пили воду, смеялись, играли, купались в серебристой воде. Они не боялись его. Они не прятались. Они просто жили своей звёздной жизнью, и ему было достаточно смотреть на них. Он не поймал ни одну. Он не протянул руку, чтобы схватить, не попытался закрыть ладонями, не сделал ни одного резкого движения. Вместо этого он сел рядом с колодцем на гладкий камень, свесил ноги вниз и начал петь.

Он пел тихо, без слов, просто мелодию, которую слышал в ветре, в шелесте травы, в дыхании овец. Он пел о долине, где трава серебристая, а небо фиолетовое. Он пел о своей матери, которая ушла, когда он был маленьким, и оставила ему стадо облачных овец. Он пел о Мглистой, которая таяла, но не исчезала, а превращалась во что-то другое. Он пел о звёздах, которые пьют воду из колодца и смеются, когда их гладят. Он пел не для того, чтобы что-то получить. Он пел потому, что не мог не петь. Потому что в нём было что-то, что просилось наружу, что хотело быть выраженным, что хотело быть услышанным.

Звёзды слушали. Они перестали пить воду, перестали играть, перестали смеяться. Они повернулись к нему и слушали. Их крылья замерли, их глаза смотрели на него с любопытством и с чем-то ещё — с узнаванием. Как будто они знали его. Как будто они ждали его. Как будто они всегда знали, что он придёт и споёт им эту песню.

А потом одна из них — самая маленькая, самая тусклая, самая незаметная — отделилась от остальных и подлетела к нему. Она была не больше его мизинца, и свет её был не ярким, а мягким, как свет луны сквозь облака. Она покружилась над его ладонью, а потом опустилась на неё и осталась там. Элиан почувствовал тепло — не жар, а именно тепло, как от чашки чая в холодный вечер, как от руки друга, как от шерсти овцы. Звезда свернулась клубочком у него на ладони и закрыла глаза. Она осталась там жить.

С тех пор Элиан не пас овец. Он стал звёздным пастухом. Каждую ночь он выводил свою звезду на небо, и она светила так ярко, что даже облачные овцы переставали таять. Они снова ели траву, снова становились мягкими, как пух, снова дышали ровно и спокойно. Мглистая не исчезла — она превратилась в звёздную пыль, которая осела на шерсти других овец, и теперь каждая из них немного светилась в темноте. Элиан больше не думал о том, чтобы поймать звезду. У него была своя звезда, которая сама захотела остаться. И он знал, что это не потому, что он её поймал, а потому, что он создал для неё пространство — песней, тишиной, своим присутствием. Он не хватал мечту. Он просто пел, и мечта пришла сама.

А когда люди — путники, забредавшие в долину, или соседи из ближних деревень — спрашивали его, как он поймал звезду, Элиан отвечал: «Я не ловил. Я просто пел, и она захотела остаться».

Мораль: Мечта сбывается не тогда, когда ты хватаешь её, а когда ты создаёшь пространство, в котором она сама захочет к тебе прийти.

Девочка, которая шила ветер. Имя её — Селеста

В городе, где всегда было тихо, жила девочка Селеста. Она шила одежду из шёлка и льна, но больше всего любила шить... ветер. Да-да, она брала нити из паутины, пропитывала их росой и сшивала так, что получался лёгкий-лёгкий ветерок. Её мечтой было сшить такой ветер, который сможет поднять в воздух целый дом.

Город, в котором жила Селеста, назывался Тихим — и не потому, что в нём был какой-то особый уклад или строгие правила, а потому, что в нём действительно всегда было тихо. Улицы его были вымощены мягким камнем, который гасил звук шагов, дома были построены из дерева, которое не скрипело, а двери и ставни были смазаны таким маслом, что открывались и закрывались без единого звука. Люди в этом городе говорили негромко, смеялись сдержанно, а по вечерам не пели песен, а просто сидели на крылечках и смотрели, как садится солнце. Тишина была здесь не тяжёлой, не гнетущей, а мягкой, как одеяло, которым укрывают ребёнка. Но всё же иногда Селесте казалось, что в этой тишине чего-то не хватает. Чего-то такого, что должно быть, но чего нет. Она не могла объяснить, чего именно, но чувствовала это каждый раз, когда выходила на улицу и слышала, как тихо шелестят листья, как тихо капает вода из фонтана, как тихо дышит город.

Селеста жила с бабушкой в маленьком доме на краю города, у самой стены, за которой начинались поля. Дом был старый, но крепкий, с низкой крышей и большими окнами, которые выходили на юг, чтобы солнце могло заглядывать внутрь как можно дольше. Внутри пахло льном, шёлком и ещё чем-то неуловимым — то ли пылью, то ли временем, то ли теми историями, которые бабушка рассказывала Селесте перед сном. Бабушка была старой, очень старой. Её руки были покрыты морщинами, как карта, на которой отмечены все дороги, которые она прошла за свою жизнь, а глаза были такими светлыми, что казались почти прозрачными. Она уже много лет не выходила из дома — не потому, что болела, а потому, что ей было трудно ходить. Она сидела в своём кресле у окна, смотрела на улицу и вспоминала. Вспоминала море, которое видела в молодости, когда путешествовала с мужем, вспоминала, как пахнет солёная вода и как кричат чайки, вспоминала, как ветер трепал её волосы и как ей было хорошо и легко.

Селеста любила бабушку больше всего на свете. Она шила для неё одежду — платья из мягкого льна, шали из тонкого шёлка, — но этого было мало. Бабушка мечтала снова увидеть море, а Селеста не могла отвезти её туда: дорога была долгой, а бабушка уже не могла переносить долгие путешествия. И тогда Селеста начала шить ветер. Сначала это было просто игрой. Она брала нити из паутины, которые находила в углах дома и на чердаке, пропитывала их росой, собранной ранним утром с листьев, и сшивала их тонкой иглой, которую сделала сама из рыбьей кости. Она сшивала их так, как учила её бабушка — не спеша, с любовью, вкладывая в каждый стежок что-то своё. И получался ветер. Лёгкий-лёгкий, почти невесомый. Он не был сильным, этот ветер. Он не мог сорвать шляпу с прохожего или распахнуть ставни. Он мог только шевельнуть занавеску, погладить по щеке, принести запах цветов с другого конца города. Но Селесте этого было достаточно. Она видела, как бабушка улыбается, когда этот ветерок касается её лица, и понимала, что делает что-то важное.

Шло время, и Селеста становилась всё искуснее. Она научилась сшивать ветры разной силы и разного характера. Одни были тёплыми, как дыхание лета, другие — прохладными, как прикосновение осени. Одни пахли ванилью, другие — дождём, третьи — чужими снами. Она научилась вплетать в нити разные вещи: смех детей, шёпот влюблённых, запах свежего хлеба, звон колокольчиков, шорох страниц перелистываемой книги. Каждый ветер был особенным, непохожим на другие. Люди в городе начали замечать, что в их домах стало как-то иначе — светлее, что ли, или теплее. Они не понимали, откуда это, но им нравилось. Они стали чаще

улыбаться, чаще открывать окна, чаще выходить на улицу по вечерам. Тишина в городе стала другой — не пустой, а наполненной. Как будто в неё добавили что-то, чего раньше не хватало.

Но мечта Селесты была больше, чем просто ветерки для дома. Она мечтала сшить такой ветер, который сможет поднять в воздух целый дом. Она представляла, как её дом — старый, с низкой крышей и большими окнами — отрывается от земли и летит над полями, над лесами, над горами, туда, где море. Она представляла, как бабушка сидит у окна и смотрит вниз, на проплывающие мимо облака, и смеётся от счастья. Эта мечта казалась невозможной, но Селеста не отступала. Она шила и шила, день за днём, ночь за ночью, и складывала свои ветры в сундук, который стоял у неё под кроватью. Она знала, что однажды ей понадобится самый сильный ветер, и готовилась к этому дню.

Однажды в город пришла беда. Это случилось весной, когда всё должно было расцветать и радоваться, но вместо этого небо над городом потемнело. Тучи — тяжёлые, серые, набухшие влагой — пришли откуда-то с севера и остановились над крышами. Они не двигались, не уходили, не проливались дождём. Они просто висели, закрывая солнце, и не было никакой силы, которая могла бы их сдвинуть с места. Люди сначала думали, что это ненадолго, что ветер придёт и унесёт тучи, как это всегда бывало. Но ветра не было. День проходил за днём, а тучи оставались на месте. Солнце перестало заглядывать в окна, и в домах стало темно и сыро. Цветы в садах начали вянуть, потому что им не хватало света. Птицы перестали петь, потому что им было страшно в этой серой тишине. А люди... люди начали грустить. Сначала они ещё пытались шутить, говорили, что скоро всё наладится, что тучи уйдут сами собой. Но шли дни, и ничего не менялось. Улыбки исчезли с лиц, смех стих, и тишина в городе стала тяжёлой, давящей, как будто кто-то накрыл город огромным одеялом и не собирался его убирать.

Селеста видела, как страдают люди. Она видела, как её бабушка стала грустнее, как она часами сидит у окна и смотрит в серое небо, и в её глазах больше нет того света, который был раньше. Она видела, как соседские дети перестали играть на улице, как они сидят по домам и смотрят в окна, ожидая, что хоть что-нибудь изменится. И она поняла: её час настал. Она должна сшить такой ветер, который сможет поднять тучи и унести их далеко-далеко, за море, туда, где они никому не помешают. Она должна вернуть солнце.

Селеста достала из сундука все свои ветры, которые сшила за эти годы. Их было много — десятки, сотни. Они лежали в сундуке, лёгкие, как дыхание, и ждали своего часа. Но ни один из них не был достаточно сильным. Она знала это. Она чувствовала это. Чтобы поднять тучи, нужен был ветер особой силы. Ветер, в который было бы вплетено что-то очень важное, что-то такое, что даёт силу и радость. И Селеста начала работать.

Она взяла самые тонкие нити — те, которые хранила для особого случая, — и принялась за дело. Она работала три дня и три ночи, не останавливаясь, не отдыхая. Она вплетала в нити всё, что было дорого её сердцу. Она вплетала смех детей — тот звонкий, залиvistый смех, который она слышала на улицах города до того, как пришли тучи. Она вплетала шёпот влюблённых — тот тихий, нежный шёпот, который она подслушала однажды у открытого окна, когда мимо проходили двое молодых людей, держащихся за руки. Она вплетала запах свежего хлеба — того хлеба, который пекла бабушка, когда Селеста была маленькой, и который пахнет домом, теплом и любовью. Она вплетала в нити свет — не солнечный, потому что солнца не было, а тот свет, который живёт в людях, когда они счастливы. Она вплетала в нити свою собственную мечту — мечту о том, что бабушка снова увидит море. И когда она закончила, когда последний стежок был сделан, она поняла, что создала нечто особенное.

Этот ветер был огромным. Он был размером с городскую площадь — самой большой площади в городе, где обычно проходили праздники. Он лежал на полу мастерской, лёгкий и невесомый, и ждал, когда его выпустят. Селеста осторожно взяла его в руки — он был таким же легким, как все остальные, но чувствовался иначе. В нём была сила. Настоящая сила. И любовь. И что-то ещё, чему Селеста не могла найти названия.

Она вышла на улицу, подняла ветер над головой и отпустила его. И ветер поднялся. Он поднимался медленно, но уверенно, набирая силу с каждым мгновением. Он прошёл над городом, и там, где он пролетал, люди поднимали головы и смотрели вверх, чувствуя, как что-то меняется. А потом ветер добрался до туч. Он подхватил их — все эти серые, тяжёлые, набухшие влагой тучи — и понёс их прочь. Он нёс их над полями, над лесами, над горами, пока не донёс до моря и не сбросил в воду. И тучи, наконец, пролились дождём — там, далеко, где никто не мог их видеть. А над городом снова появилось небо. Голубое, чистое, безоблачное. И солнце — яркое, тёплое, долгожданное — снова заглянуло в окна, в каждый дом, в каждую комнату. Люди вышли на улицы и начали смеяться, обниматься, плакать от радости. Цветы ожили, птицы снова запели, и город наполнился звуками — теми самыми звуками, которых так не хватало.

Селеста стояла посреди улицы и смотрела на всё это, и на её лице была улыбка. Она сделала то, что должна была сделать. Она вернула солнце. Но она не остановилась. Она вернулась домой и начала шить новый ветер. Потому что она помнила о бабушке. Она помнила о её мечте.

Она шила всю ночь, и к утру у неё был готов новый ветер. Он был не таким огромным, как тот, первый, но в нём было больше тепла, больше нежности, больше любви. Селеста вплела в него шум моря — тот шум, который она никогда не слышала сама, но который знала по рассказам бабушки. Она вплела в него крик чаек — тот крик, который бабушка так часто вспоминала. Она вплела в него запах соли и водорослей, и ещё что-то — что-то такое, что бывает только у моря и нигде больше. И когда ветер был готов, Селеста подошла к бабушке, которая сидела в своём кресле у окна, и сказала:

— Бабушка, закрой глаза.

Бабушка посмотрела на неё с удивлением, но послушалась. Селеста выпустила ветер, и он подхватил кресло — вместе с бабушкой — и поднял его в воздух. Бабушка открыла глаза и вскрикнула. Но не от страха. От восторга. Кресло поднималось всё выше и выше, и вот уже бабушка парила над городом, над крышами домов, над улицами, над площадью. И она смеялась. Смеялась так, как не смеялась уже много лет — заливисто, радостно, как девочка. Она смотрела вниз, на город, который стал маленьким, как игрушечный, и смеялась, и махала руками, и кричала что-то, чего Селеста не могла разобрать, но что звучало как счастье.

А потом ветер понёс её дальше — за город, за поля, за леса. Он нёс её туда, где было море. И бабушка увидела его снова. Оно было таким же, как в её воспоминаниях, — огромным, синим, бесконечным. Волны набегали на берег и откатывались, чайки кричали над водой, и ветер — настоящий ветер, а не сшитый, — трепал её седые волосы. Бабушка смотрела на море и плакала. Но это были хорошие слёзы. Слёзы благодарности и счастья.

Кресло медленно опустилось на берег, и бабушка сидела там, смотрела на море и улыбалась. А потом ветер — тот самый сшитый ветер, — подхватил кресло снова и понёс её обратно, домой. Он летел над полями и лесами, над городом, и бабушка смотрела вниз и думала о том, как ей повезло. Как ей повезло, что у неё есть внучка, которая умеет шить ветер. Как ей повезло, что она снова увидела море. Как ей повезло, что она жива.

Когда кресло опустилось во дворе дома, Селеста уже ждала бабушку. Она бросилась к ней и обняла её, и они обе плакали и смеялись одновременно. А потом бабушка рассказала Селесте всё, что видела, — про море, про чаек, про ветер, который трепал её волосы. И Селеста слушала и улыбалась, потому что она сделала это. Она подарила бабушке мечту.

С тех пор Селеста шьёт ветры для всех, кто мечтает летать. Она шьёт их для детей, которые хотят подняться над городом и посмотреть на мир сверху. Она шьёт их для влюблённых, которые хотят летать вместе, держась за руки. Она шьёт их для стариков, которые хотят снова увидеть места, где прошла их молодость. Она шьёт их для всех, кто приходит к ней с мечтой. И каждый её ветер пахнет по-разному. Один — ванилью, другой — дождём, третий — чужими снами. Один звенит смехом детей, другой шепчет слова любви, третий пахнет свежим хлебом.

Но все они — все без исключения — сделаны с любовью. И все они дарят людям то, что дороже всего на свете: возможность летать.

Селеста больше не мечтает о том, чтобы поднять в воздух свой дом. Она поняла, что дом — это не место, а люди, которые в нём живут. И она уже подняла в воздух свой дом — когда подняла в воздух бабушку. Она уже подарила счастье. И теперь она дарит его другим. Потому что мечта — это не то, что ты держишь в руках. Это то, что ты можешь подарить другому, чтобы он тоже научился летать.

Мораль: Мечта — это не то, что ты держишь в руках. Это то, что ты можешь подарить другому, чтобы он тоже научился летать.

Орландо и стеклянный сад

На краю пустыни стоял стеклянный сад. В нём не было ни одного живого цветка — только стеклянные розы, лилии и деревья. Их создал старый мастер Орландо, который мечтал вырастить сад, который не завянет. Но чем больше он работал, тем печальнее становился: стекло не пахло, не шептало, не жило.

Пустыня, у которой стоял этот сад, была не такой, как все пустыни мира. Она не была раскалённой и безжизненной — нет, она была тихой. Её песок был мелким, как пудра, и бледно-золотым, а по ночам он светился слабым, ровным светом, как будто в каждой песчинке была заключена крошечная луна. Ветер здесь дул редко, но когда дул, он был тёплым и пах не пылью, а чем-то отдалённо знакомым — то ли сушёными финиками, то ли старой бумагой, то ли воспоминанием о дожде. Над пустыней всегда было ясное небо, и солнце садилось в неё медленно, как будто не хотело уходить. И вот на краю этой пустыни, там, где песок переходил в каменистую почву, а каменистая почва — в серую, плотную землю, стоял стеклянный сад.

Сад был окружён высокой стеной, сложенной из тёмного камня. Стена была старой, но крепкой, и в ней не было ни одной щели. Внутри можно было попасть только через кованые ворота, которые всегда были открыты — не потому, что мастер Орландо ждал гостей, а потому, что ему было всё равно. За стеной начинался другой мир. Там не было ни травы, ни кустов, ни даже мха. Там росли только стеклянные растения — розы, лилии, деревья, папоротники, орхидеи, — и все они были сделаны из прозрачного, чуть голубоватого стекла. Они были прекрасны. У них были лепестки, тычинки, пестики, листья с тончайшими прожилками, шипы на стеблях — всё, как у настоящих цветов. Но они не пахли. Они не шептали, когда ветер касался их. Они не жили. Они просто стояли, сверкая на солнце, и были красивы той особенной, холодной красотой, которая не греет и не радуется, а только напоминает о том, чего нет.

Мастер Орландо был старым. Ему было столько лет, что он уже и сам не помнил, сколько именно. Его руки были покрыты морщинами и шрамами — следами сотен порезов от стекла, — а спина согнулась от долгой работы. Он жил в маленькой пристройке у стены сада, где стояла его печь, его инструменты и его кровать. Каждое утро он вставал до рассвета, разводил огонь в печи и начинал работать. Он плавил стекло, выдувал из него тонкие лепестки, вытягивал стебли, прикреплял листья. Он работал медленно, тщательно, с любовью — но эта любовь была странной. Он любил не сами цветы, а идею цветов. Он любил красоту, которую можно сохранить навсегда. Он боялся, что настоящие цветы завянут, что их лепестки опадут, что их аромат выветрится, что они умрут. И поэтому он создавал цветы, которые не могли умереть. Стеклянные цветы. Вечные цветы. Но чем больше он работал, тем больше цветов появлялось в его саду, тем печальнее он становился. Потому что стекло не пахло. Не шептало. Не жило. И в какой-то момент он понял, что создал не сад, а кладбище. Кладбище красоты, которую он пытался спасти от смерти, но которая умерла в тот момент, когда он её запечатал в стекле.

Он не признавался себе в этом. Он продолжал работать. Он говорил себе, что скоро найдёт способ сделать стекло живым, что скоро его цветы начнут пахнуть, что скоро они зашепчут. Но шли годы, а ничего не менялось. Стекло оставалось стеклом. И мастер Орландо становился всё печальнее, всё молчаливее, всё более похожим на свои собственные творения — прозрачный, холодный, неподвижный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.